

ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

Дина ТОРОЕВА

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ, КОТОРОЙ НЕТ, И ПРОШЛОЕ, КОТОРОЕ ЕСТЬ

Роман востоковеда Рената Беккина носит название «Ак Буре»¹, и эти шесть букв с пробелом, скорее всего, ничего не говорят среднестатистическому русскоязычному читателю. Далеко не каждый знает, что «ак буре» («акъ борю») переводится с крымскотатарского языка как «белый волк», и даже в интернет-поисковиках придется порыться среди ссылок, чтобы перевести фразу, не заглядывая в книгу. Тем не менее догадаться о непопулярной (даже для кого-то экзотичной) тематике книги довольно легко. Сразу же под этими замысловатыми шестью буквами располагается надпись, вызывающая куда большее количество ассоциаций: «Крымскотатарская сага». И после такого названия у потенциального читателя может возникнуть ряд вопросов и даже восклицаний:

«Крымские татары? Их же до сих пор преследуют! Обвиняют в терроризме, допрашивают, пытают... Наверняка книга об этой несправедливости. Ну или какое-нибудь пакостное передергивание фактов»;

«Крымские татары? Те, что массово дезертировали в войну! Правильно, что их в 1944 году в Узбекистан выгнали! Наверняка книга об этом предательстве. Ну или какое-нибудь пакостное передергивание фактов».

Тема романа и правда животрепещущая, непременно вызывающая политические споры и — как бы цинично это ни звучало! — *модная*. Тут играет роль осуждение «крым-нацизма» — пожалуй, один из главных столпов, на которых держится оппозиционная мысль в России. Нельзя забывать и про деколониальный мейнстрим, рассматриваю-

Дина Андреевна Тороева — бакалавр ОП «Филология» НИУ ВШЭ СПб, магистрант РГПУ им. Герцена. Родилась в 1997 году в Череповце. Живет в Санкт-Петербурге.

¹ Беккин Р. И. Ак Буре. Крымскотатарская сага. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2021. 600 с.

ший национальные трагедии как наборы «интересных кейсов» и «полезных наблюдений». Но что представляет собой сам роман «Ак Буре»?

Перед читателем оказывается вовсе не политическая агитка: вы не увидите в романе страстных споров о коллективной ответственности всех крымских татар за дезертирство или о территориальном статусе Крыма. Как не увидите и эксплицитного «что-хотел-сказать-автор», вложенного в уста главного героя. В центре произведения не партизан времен немецкой оккупации, не крымскотатарский активист и не политзаключенный. Персонажи с такими характеристиками в романе есть, более того, они состоят с главным героем в близком родстве. Но сам протагонист — не герой и не жертва советского произвола над крымскотатарским населением, а лишь представитель третьего поколения крымских татар со времен войны 1941—1945 годов. Человек, который «не живет, а просто млеет и наблюдает движение со стороны», как пела рок-группа «Народное ополчение». Или, как пишет сам автор в предисловии, «простака».

Главные события книги происходят чуть позже «русской весны» — летом 2014 года, и «простаку» Искандеру Исмаилову 39 лет, 18 из которых он жил в Крыму. Воспитанный в Ташкенте, он переехал с семьей в Симферополь в 1989-м, когда крымским татарам разрешили вернуться в Крым. Спустя два года он снова покинул полуостров на пять лет, чтобы учиться в Киевском университете. Даже его имя — Искандер — не вполне крымскотатарское: люди должны были знать его как Эскендера, но из-за глупой бюрократической ошибки протагонист стал носить более «обобщенное» арабское имя. Так главный герой становится медиумом между трагической историей крымских татар и тревожной российской реальностью. Крым для Искандера — это в первую очередь история его семьи, но не его самого. Его дед называл Крым поэтически, на крымскотатарском языке — Ешил Ада (пер. «Зеленый остров»), там он похоронил свою прежнюю семью. Отец Искандера получил год лагерей и три года ссылки ради идеи возвращения крымских татар на историческую родину. Все это — вроде бы не про самого Искандера: он был готов променять Крым на Киев, где жила его легкомысленная невеста, и на Казань, где ему предложили высокооплачиваемую работу в Исламской академии. Но крымскотатарское прошлое преследует Искандера: для него невыносима даже мысль, что его отец мог сотрудничать с КГБ, и чтобы развеять свои подозрения, он готов на слишком многое. Экзистенциальную оторванность Искандера от прошлого крымских татар и одновременно стремление этого прошлого догнать Искандера хорошо показывает хотя бы этот отрывок:

Маленький Искандер не мог взять в толк, почему дед зовет Крым островом. Однажды он набрался смелости и спросил: «Къартбабам [дедушка. — Д. Т.], учительница в школе говорила нам, что Крым — это не остров, а полуостров. я даже с ней поспорил, а она мне показала в энциклопедии. Там написано, что есть только Крымский полуостров, а никакого острова Крым не существует».

Исмаил эфенди ответил не сразу. сначала он поскреб подбородок, потом прочистил горло и только тогда сказал: «А ты вот что... посмотри-ка в своей энциклопедии вместе со своей учительницей, как там ее зовут?.. Так вот, посмотри, есть ли там статья о крымских татарах? И увидишь, что статьи такой нет. Но ты же не будешь утверждать, что тебя, меня, твоих папы и мамы не существует?»

Этот фрагмент затрагивает и мотив *несуществования* — пожалуй, один из главных в книге. Крымских татар действительно *не существовало* долгое время — на бумаге их заменили «гражданами татарской национальности, проживающими в Крыму». Именно такое комичное наименование значилось в указе Президиума ВС СССР от 5 сентября 1967 года, ставшим первым признанием со стороны СССР необоснованности депортации крымских татар, включая мирное население. Несмотря на обнадеживающий

мэсседж документа, в нем не было, возможно, главного — самих крымских татар. Отдельного народа, который отличался от поволжских татар этнически, лингвистически, культурно, территориально.

Анкета арестованного... Здесь Искандер не нашел для себя ничего нового. Только пятый пункт (национальность) привлек его внимание: татарин. Хорошо хоть не татарин, ранее проживавший в Крыму, как писали тогда в книгах по истории и в официальных документах. Во что верили эти люди, которые отказывались признавать существование крымских татар? В магию слов или в силу бумаги, способной упразднить не только отдельные человеческие единицы, но и целые народы?

Так, в Казани Искандер, человек с *несуществующей* национальностью, находит такие же, как и он сам, *несуществующие* вещи, в которые не хочет верить, как и нормальный любой человек. Он смеется над девушкой, которая рассказывает про скрытую под водой мечеть. Он шокирован появлением говорящего волка-шейха. Он все еще старается найти рациональное объяснение своей страшной болезни, во время которой его тело обросло шерстью. Весь этот магический реализм не должен *существовать* для нормальных людей, но он — есть. Какая грустная шутка над главным героем...

Посредничество и несуществование — вот что служит фундаментом для динамичного детективного сюжета романа. Вкратце его можно изложить в одном предложении и даже без спойлеров: «Герой едет в Казань, чтобы похоронить своего отца рядом с могилой бабушки, но находит документы об отцовском прошлом и остается в Казани на неделю». Внутри сюжета — расследование не только для Искандера, но и для читателя.

Прозорливый читатель найдет в романе массу отсылок разного характера. Например, комических с явной политической подоплекой — уже во второй главе темнокожий попутчик рассказывает в поезде главному герою, как на украинском ТВ-шоу его «распяли на березах». Кажется, актер Леонид Ярмольник рассказывал нечто подобное на «Дожде» в 2014 году... Есть и отсылки намного более серьезнее, не связанные с однодневными инфоповодами. Например, стратегия на следствии Айдера агъа (отца главного героя) повторяет стратегию советского диссидента Сергея Адамовича Ковалева, когда его судили за антисоветскую пропаганду — постоянное повторение фразы «Отказываюсь отвечать». Люди, погруженные в московскую урбанистику, без труда опознают в перестроенной исторической мечети, которая описывается в романе, вполне реальную — Московскую Соборную мечеть, которую внезапно снесли 11 сентября 2011 года. Отсылки, говорящих фамилий и до боли знакомых типажей в романе хватает. Вполне возможно, что и многочисленные второстепенные герои имеют свои прототипы: продажные муфтии, полубезумные татарские писатели и абсолютно безумные университетские преподаватели. Зощенковских и хармсовских эпизодов в романе предостаточно, но функция их, конечно, не в том, чтобы безостановочно веселить читателя. Точнее, не только в этом:

Мне отец, помнится, все говорил, когда я плакал из-за игрушки или еще чего-нибудь: «Не переживай, Ильдусик. Все это ерунда. Вот когда я умру, тогда действительно будешь переживать». Ну и что же? Умер отец. А я даже и не переживал как-то.

Чем больше трикстеров в романе, чем больше становится снежный ком абсурда, тем сильнее главный герой романа чувствует дереализацию и как будто бы окончательно перестает принадлежать себе. Его единственным спасением оказывается поиск правды о прошлом своей крымскотатарской семьи — о давно или только что умерших лю-

дях. И поэтому финал романа, который не будет рассказан в данной рецензии, вполне адекватен условиям этих тщательных поисков.

Почему роман называется «Ак Буре» и что это такое? Так или иначе, чтобы узнать это, роман придется читать. Вероятно, слишком наблевшая тема, которой посвящена книга, будет долго мешать читателям и исследователям воспринимать «Ак Буре» как роман и художественное произведение в целом. Однако надо отдать должное: система персонажей и образов открывает невиданный простор для интертекстуального анализа и различных интерпретаций.